

113 верст 1988 - 2 февраля - с. 6

А ПЛОДИСМЕНТЫ были долгими — испанские зрители восторженно приняли спектакль, хотя шел он на русском языке без синхронного перевода. «Мать» Максима Горького Московский театр на Таганке показал в рамках VIII Мадридского театрального фестиваля. Советские коллективы здесь редкие гости, и, чего греха таить, мы сомневались: поймут ли испанцы трагизм и героизм тех далеких лет! Опасения были напрасными: зал до самого конца был захвачен спектаклем, великолепной игрой актеров.

— Эта постановка прошла у нас около трехсот раз, — говорит главный режиссер театра народный артист РСФСР Н. Губенко. — Ее смело можно назвать советской театральной классикой. Мы все рады, что пьеса восстановлена в нашем репертуаре и что мы ее играли в Мадриде. И, конечно, надо особо отметить, что ее увидел автор постановки Ю. Любимов, специально сюда прилетевший.

Театр опустел. Артисты сфотографировались на память, а мы втроем — Ю. Любимов, Н. Губенко и я — уединились для беседы. Каждый понимал, что она будет нелегкой, заставит о многом вспомнить, многое вновь пережить.

Начал Любимов:

— Сам факт, что мы беседуем с вами, по-моему, весьма знаменателен. Кстати, за двадцать лет моей работы в театре я впервые даю интервью «Известиям» да еще при таких необычных обстоятельствах. Вы видели, как происходила встреча с артистами, как всем нам было хорошо и трудно одновременно. И тот факт, что я сейчас не в Каракасе, где должен быть с театром, с которым сейчас работаю, а здесь, говорит сам о себе.

— Где вы сейчас живете, где работаете? — спрашиваю я.

— Все эти четыре года, что я не живу в СССР, мы с семьей ездили по всему миру. Хочу сразу сказать: я никогда и нигде не собирался оставаться за грани-

ция» врачи мне посоветовали подлечиться: у меня была сильная нервная экзема. Хотя они советовали мне это и раньше, еще в Турине, но я не послушался их, рвался в Москву, пытался отстоять спектакли «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов». Я вернулся, но ничего

культуры, которая так оплодотворила весь мир.

— А ваш творческий метод претерпел за эти годы какие-либо изменения?

— Жизнь на Западе для художника не усеяна ни розами, ни лилиями. Конечно, я не буду никогда иметь здесь такого

думаю, что я далеко не одинок в своих пожеланиях успеха на этом пути. Даже среди людей моей судьбы, хотя у каждого она своя, и не надо нас объединять в какую-то безликую массу, потому что у всякого были свои причины, и важно, что вот такие разговоры ведутся с каждым, учитывая его взгляды, желания и поведение.

Я с радостью читаю советские журналы, поражен, как изменилось их лицо. Рад, что создано и опубликовано такое достоверное, честное, прямое произведение, как «Ночевала тучка золотая». Не прочитал пока, к сожалению, «Белые одежды», но знаю, что работал В. Дудинцев над этим романом давно. Важно, что народ начинает получать ответы на свои духовные запросы. И это я увидел в прекрасном фильме «Покаяние». Наш Театр на Таганке даже в те времена, которые сейчас называют застойными, прорывался к человеческому сознанию, противоборствовал чиновничьему подавлению индивидуальности. На афише театра были сконцентрированы такие имена, как Ю. Трифонов, Ф. Абрамов, В. Быков, Б. Можяев, В. Высоцкий, А. Вознесенский, С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак (в его переводе мы ставили «Гамлета», его стихи звучали в «Павших и живых»), целая плеяда прекрасных поэтов, в том числе погибших на фронте. Художник, драматург, деятель культуры должен помогать всем тем сдвигам, которые происходят сейчас в стране и которых народ ждал десятилетиями. А я помню, какой гнев вызывал в последнее время ряд работ нашего театра у тех, кто хотел жить по-старому, не хотел замечать веяний, уже тогда ощущавшихся. Их закрывали, открывали, заставляли переделывать...

— Те времена уже в какой-то степени история. Сейчас, как вы знаете, возобновлена постановка о В. Высоцком, а «Борис Годунов» готовится...

— Меня это очень радует, я думаю, что происходящие в стране процессы необратимы, что советский театр в целом обретает новую силу, новую глубину — художественную, эстетическую, нравственную. В той прекрасной прозе, что появилась сейчас, тоже можно было бы что-то взять для театра. Надо приехать, посмотреть, работать в театре. Я хотел бы пока выпустить «Бориса Годунова» — это великая пьеса, которая не имела до сих пор адекватного сценического воплощения.

— Без Любимова тяжело восстанавливать спектакль, — говорит Н. Губенко. — «Борис Годунов», на мой взгляд, самый большой взлет театра. Поэтому важно, хотя бы на последнем этапе, иметь возможность подключить автора к работе.

— Западная печать утверждает, что вы ставите какие-то условия Советскому правительству для вашего возвращения в Советский Союз. Так ли это?

— Нет. Какие я могу ставить условия? Повторю: это неправда, что из Лондона я не хотел вернуться на Родину. Разве это называется ставить условия, когда человек говорит: «Верните лучшие создания театра к жизни». Никаких политических условий у меня не было и нет. Я говорил только об условиях для работы, о том, будут ли они мне предоставлены, пойдут ли на сцене произведения, которые были закрыты. Речь идет только о творческой стороне моей жизни.

— Так ведь они уже идут, проблемы нет...

— Коля, скажи дальше ты, — обращается Любимов к Губенко.

— Нам очень хочется, чтобы Юрий Петрович приехал, по-встречался с театром уже не на мадридской территории, и, если это произойдет, он убедится, что у нас происходит. Дальше он сам решит свою судьбу.

— Он все сказал. Я согласен. Пошадим наши нервы.

...Понятно, что отношение к себе и простые изломы своей судьбы Ю. Любимов оценивает по-своему, именно «щадя нервы». Я записал нашу беседу так, как она происходила. Конечно, во время этого разговора и я, и уверен, он помнили о его прошлых высказываниях и заявлениях. Лично я не мог не вспомнить, как западная пресса, в том числе испанская, много и явно с антисоветских позиций шумела, да и продолжает шуметь вокруг имени Любимова. Мне трудно судить, когда газеты точно восприняли его высказывания, порой весьма обидные для нашего восприятия, а когда произвольно. Правда, не встречал я и протестов или уточнений на этот счет со стороны самого Юрия Петровича. Сейчас же, слушая его, не могу не почувствовать, как это нелегко оказаться вне родной страны, вне ее культуры. И, будем откровенны, эта личная драма — из тех, что не могут не оставлять горького осадка и в душах соотечественников.

Что было, то было. А нынче четыре вечера подряд театр играл в Мадриде. Четыре вечера зал был полон, гремели аплодисменты. И четыре вечера Ю. Любимов сидел в зале, смотрел, переживал, а в антракте шел за кулисы, беседовал с актерами, советовал, показывал, как сделать лучше...

В. ВЕРНИКОВ,
соб. корр. «Известий».

МАДРИД.

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

цей, равно как я нигде и никогда не просил политического убежища. Не просил его и тогда, когда мы решили наконец, сдето обрести свой дом. Я работаю по всему миру. В Лондоне ставил в «Ковент-гарден», в шведском Королевском театре продолжил сотрудничество постановкой «Мастера и Маргариты» Булгакова, в США поставил «Преступление и наказание» и оперу «Лулу» А. Берга в оперном театре Чикаго, которую до этого ставил в Турине. Две интересные работы были у меня в Англии — «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф. Достоевского, которые я начал было репетировать на Таганке, но тогда мне это не разрешили. И, наконец, в Тель-Авиве в театре, который был организован Е. Б. Вахтанговым семьдесят лет назад на территории прежней Палестины, поставил «Закат» И. Бабеля. Недавно мы переехали в Иерусалим, где моя жена имела право получить гражданство.

— Хотелось бы внести ясность, как вы, русский советский художник, все-таки оказались вне Родины. Скрывать вам, наверное, нечего, и время у нас в стране сейчас не то, чтобы скрывать...

— Ох... Так вот, после постановки «Преступления и наказа-

у меня не получилось — вы помните те времена и ту атмосферу. Тогда, как положено, я подал заявление об отпуске, а я до этого четыре года не отдыхал, и мне разрешили поехать лечиться.

Я рассчитывал через семь недель вернуться, взял с собой лишь то, что мне нужно было для работы над «Преступлением и наказанием», и легкие вещи. И тут меня лишили гражданства. Давайте прямо говорить: я был неудобен.

— А как вы жили эти четыре года? Довольны ли своей работой?

— Я работал. Потому и выжил. Самому очень трудно оценивать сделанное. Одно могу сказать твердо: человек искусства не может быть оторван от своих корней. Чтобы снова обрести силу, выстоять, нужно стать на родную землю, на которой вырос, на которой жили твои отцы и деды. Я воспитан на русской культуре, сфера моей деятельности — русский язык и вся русская культура, и эти четыре вынужденных года я всюду стремился знакомить западного зрителя с величайшими произведениями Пушкина, Достоевского, Мусоргского, Чайковского, с глубинами нашей

зрителя, какого имел у себя, так как здесь нет той духовной потребности и жажды услышать и увидеть, какая есть у нас. Можно, если удастся, создать произведение искусства, вызвать уважение и получить отклик зрителей. Но не больше. Мой творческий метод не претерпел за эти годы никаких изменений, я работал точно так же, разве что в более жестких условиях: здесь труднее экспериментировать, очень ограничены сроки, финансовая сторона дела держит художника за горло. И это, конечно, в ущерб глубине, качеству, работе с артистами. Но многое зависит от компании, в которую попадаешь, — сами они привыкли к таким срокам. Думаю, что нам там, у себя, нужно работать энергичнее.

— Вы знаете по прессе об изменившемся климате в нашей стране, в том числе в области культуры, литературы, театра. Что вы об этом думаете?

— Я стараюсь внимательно следить за событиями, происходящими в стране. И от всей души желаю, чтобы, несмотря на противодействие и косность, у людей, которые ведут линию на демократизацию общества, хватило твердости, прозорливости и мудрости, потому что процесс этот длительный, сложнейший. И,